

Посвящается собаке Сказке

СВЕН

План на сегодня: за первые пять часов совершить что-то настолько гениальное, чтобы мгновенно прославиться на всю школу. Они должны узнать меня до того, как обо мне поползут слухи.

Как это сделать, я пока понятия не имею. Мне, конечно, не хотелось бы, чтобы меня выгнали из школы в первый же день. Но это должно быть что-то грандиозное.

Если я ничего такого не совершу, то не пройдёт и недели, как я стану *«тем бедненьким мальчиком из 5-го „Б“»*. Мальчиком, которого каждый день приводит в школу папа, а забирает мама. Которого нельзя оставлять одного. Тем странным чудиком с часами, которые пищат каждые два часа, потому что в него надо закидывать лекарства.

Этого нельзя допустить.

ПАРКЕР

Мой велосипед стрелой мчался по улицам, как будто все светофоры сегодня переключили на зелёный свет. Как будто весь мир захотел сказать мне: смотри же, я вовсе не такой плохой.

В 5-м «Б» со мной будет ещё двадцать семь человек, и почти всех я уже видела. Только один мальчик не был на общем собрании в июне, потому что болел. Представляете — он вообще никого ещё не знает. Наверное, здорово, что я не помню, каково это было, когда я родилась. Лежишь ты совсем голый в мире, где одни чужаки. Чьи-то незнакомые лица, какие-то незнакомые руки, чужие ноздри, из которых к тому же растут волосы. Может, поэтому все младенцы так истошно орут.

Мне осталась одна длинная улица — и я приехала. Я дышу всё быстрее, чёрное платье развевается на ветру. Когда я проезжаю мимо человека с собакой, я закрываю глаза. Всего на секунду, но этого хватит, чтобы представить себе Аляску.

Я скучаю по ней уже четыре месяца, и днём становится уже почти привычно, что её больше нет рядом. Я смирилась с тем, что в нашем доме образовалась дыра в форме собаки. Я знаю, что больше не надо следить, чтобы дверь всегда была закрыта, а одеяла и свитера, раньше покрытые белой шерстью, давно уже отчистили и перестирали.

Но каждую ночь я вижу её во сне. Иногда мне снится, что с ней что-то случилось, и тогда я мчусь по тёмным улицам к огромной ветеринарной клинике, где целых семьдесят восемь этажей и во всех окнах горит яркий свет. А иногда — и это ещё ужаснее — мне кажется, она здесь. Она снова лежит рядом со мной на диване, и я глажу нежные короткие волоски у неё на морде. И мне так спокойно, потому что я знаю — мы будем сидеть так ещё тысячу раз.

Потом я просыпаюсь, а рядом пусто.

Я не читаю в интернете умные советы про переходный возраст. Я собираюсь обойтись без всего этого подросткового периода. С чего бы мне лепить на рюкзак цветочки из стразиков? И кто решил, что ланчбокс — это отстой, а бутерброды в пакете — круто? Все сайты дают миллион советов, а потом вдруг в самом конце заявляют: *«И что бы ты ни делал, всегда будь самим собой!»*

Ну, вообще-то я и не собиралась прикидываться леопардом или воздушным шариком. Разумеется, нет. Но *быть собой?* Интересно, они говорят то же самое тем людям, которые

издеваются над другими, врут или мучают животных? Тем, кто уже попал в тюрьму, и тем, кого пока ещё ловят?

«И самое главное, дорогие бандиты: всегда будьте самими собой!»

Если бы мне однажды разрешили давать советы, то я бы сказала: *«А ты, случайно, не редкостный мерзкий тип? Или просто трус? Может, всё-таки лучше стать кем-то другим...»*

СВЕН

Папа высадил меня у школьного забора. Я хотел, чтобы он остановился на соседней улице, но он отказался.

Для сентября было слишком тепло. Я был без куртки, так что все могли видеть синий браслет у меня на руке. По идее, он должен выглядеть крутым и стильным, но я чувствую себя как домашнее животное. Как заблудившийся кот или пёс, которые бродят по улицам с телефоном хозяина на ошейнике.

Я заходил в школьное здание и старался не думать о моих друзьях, у которых сейчас ещё были каникулы. На другом конце страны в школу пойдут только на следующей неделе. Скоро они все начнут учиться в шестом классе. А я начну всё сначала в пятом.

Я зашёл в школу и притворился нормальным.

Полы были чёрно-белыми. Шкафчики в раздевалке зелёные и жёлтые. Девятьсот школьников вместе — это целое стадо. Орущий табун с рюкзаками, готовый накинуться на всех

и всё со сжатыми кулаками, в прыщах с головы до ног и мобильниками, которые все одновременно начинают вибрировать, опознав знакомую зону школьного вай-фая.

Мне не страшно.

Мне никогда не страшно.

Но когда я увидел лестницу с тремя пролётами бетонных ступеней, я на минуту остановился.

Когда моя мама заговорила с директором школы об этой самой лестнице, я готов был её убить. А когда на прошлой неделе мне прислали мейл с инструкциями по использованию моего «индивидуального ключа от лифта», я весь день психовал и хлопал дверями.

Но это оказалось дико страшно. И сейчас, когда я очутился здесь — на этом голом бетоне, один на один с этажами, — я обрадовался.

Мне тринадцать, а не восемьдесят. Но я рад, что у меня есть собственный ключ от лифта.

Вдруг по всему зданию оглушительно загрохотал звонок. Звук был такой, будто начался вселенский пожар.

Сразу же стало понятно, кто тут новенький. Все новички испуганно переглянулись и помчались кто куда. Остальные не ускорились ни на сантиметр.

Ключ от лифта зажат у меня в руке. Но только где этот лифт?

ПАРКЕР

Мы все молча смотрим на учителя французского языка, но я точно знаю, что у каждого внутри всё кипит и бурлит так же, как у меня. Может, вон та девчонка с чёрными кудрями за первой партой станет моей лучшей подружкой. Может, скоро я по уши втрескаюсь в того мальчику с веснушками.

Все ребята из моего бывшего класса разошлись по разным школам. Здесь нет никого, кто меня знает, никого, кто знает, что случилось этим летом. Я сказала себе, что это новое начало. Может, не только светофоры переключились на зелёный. Может, мир и в самом деле не такой уж плохой.

— *Bienvenue!* — воскликнул учитель Гомес. На нём клетчатая рубашка с короткими рукавами. Вокруг руки обвился дракон-татуировка. — *J'espère que vous avez tous passé de bonne vacances.*

Я боялась пошевелиться. Одна я тут ничего не понимаю? У нас что, было домашнее задание на сегодня? И тут дверь

в класс распахнулась. На пороге стоял мальчишка в застиранных джинсах, с непослушными светлыми волосами. Я сразу поняла: это он. Двадцать восьмой — мальчик, который болел, когда было собрание. И постаралась как можно лучше его рассмотреть и запомнить: голубые глаза, ни худой, ни толстый, серая футболка, пластырь на подбородке, ростом чуть выше меня, на ногах грязные кроссовки.

— *Alors!* — воскликнул Гомес. — *Vous êtes en retard. Que s'est-il passé?*

— Хм, — сказал мальчишка в дверях и посмотрел на учителя вопросительно. — *Une baguette si'il vous-plaît?*

Как будто в классе вместо нас сидели бутылки с колой, которые трясли несколько часов. И теперь этот светловолосый парень один махом открыл все двадцать семь крышек. Мы все одновременно прыснули со смеху. В моём старом дневнике, который я когда-то прилежно вела во время летних каникул, было выведено куриной лапой семилетки: *попросить хлеб: «УН БАГЕТ СИЛЬВУПЛЕ»*. Это были первые слова, которые я выучила на французском, — а потом обалдела, когда толстый французский пекарь и вправду протянул мне батон.

Мы хохотали и никак не могли остановиться, и в ту минуту мы стали не просто мальчишками и девчонками, а настоящим классом.

— Извините... — пожал плечами мальчишка в дверях. — В прошлом году у меня была тройка по французскому. Я Свен.

Учитель Гомес взял со стола листок бумаги и пробежался глазами по строчкам:

— Свен Бейкман?

Парень кивнул.

— Ага, — сказал Гомес. — Точно... — Голос у него вдруг стал каким-то осторожным. — Хорошо, Свен, садись.

А потом он посмотрел на нас, и его голос, который только что звучал так, как будто учитель обращался к хрустальной вазе, снова изменился.

— Внимание, пятый «Б»! Как можно учить французский, когда вы оказались в классе, где полно незнакомых детей? Правильно. Это совершенно невозможно. Так что давайте сначала познакомимся.

Каждый из нас должен был написать о себе три забавных факта. Чтобы два из них были правдой, а один факт выдуманный.

— *Par exemple...* — сказал Гомес. — Это значит «например». О себе я расскажу вам вот что: я обожаю жареных кузнечиков, я живу в доме на дереве и я когда-то играл в молодёжной футбольной команде города Твенте.

Мальчишки с последнего ряда тут же стали выкрикивать предположения — что из этого враньё, но он покачал головой.

— Мне одному разрешается не говорить, что правда, а что нет. У вас будет целый учебный год, чтобы это выяснить. А теперь за работу. Составляйте ваши списки.